

Арт-срнарь: Пришое. к „Арчуш. и факты“, -1995. -N14-18(сект). -с. 12.

Знакомьтесь

ГАЛЕРЕЯ

Володя Карчин рассказывает мне, что летать его учат с того времени, сколько он себя помнит. Ну приходит во сне человек и учит - скорость, виражи, повороты, выше-ниже. А летает он всегда в одной позе, как бы сидя. Они, люди какие-то, смеются над ним, предложили сесть на стул и даже нашли ему какой-то

понимаю, как время уходит...”

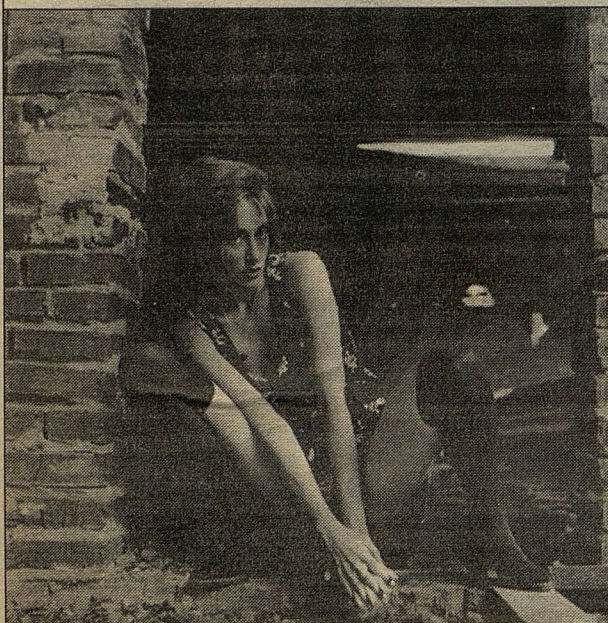
Я давно про него слышала и даже видела - не фотографии, а ксероксы с фото, которые делали очарованные друзья, но, получив на колени кипу “картинок”, затряслась от корысти и захотела все это - немедленно - себе. Потому что, мне кажется, встретить это в фотоальбомах - подарок. А здесь - какие фотоальбомы, даже не

ное, неизбежная помеха. Показывая очередную фотографию, он объясняет, что сделал ее в последний момент, потому что сразу же увидел человека, направляющегося к ним с пистолетом в руке - это была какая-то засекреченная территория. Но мне кажется, для него весь мир - засекреченная территория, и его талант - всего лишь следствие этого, а не

«Я хотел бы жениться во сне...»

Головокружение невыносимо.

Боль проходит тем или иным образом, боль - живой и честный враг, ты воюешь с ним, и кто-то кого-то побеждает. Головокружение, кажется, не закончится никогда, это нездешнее чувство. И с чем жить легче - непонятно.

выставлялся ни разу.

Мои фотографии - это ни в коем случае не отражение действительности, объясняет он мне. Это как бы отрывки из фильма или картины чего-то другого, какого-то другого места. И каждый себе что-то досочиняет. “А ты, - спрашиваю, - сочиняешь?” “Нет, - говорит, - мне как-то лень”.

Со своими моделями он находит немыслимые места для съемок. Иногда нарываясь на дикие неприятности, но это для кого-то другого были бы дикие неприятности, а для Володи это, навер-

некая самоценная вещь, которую он нашел однажды утром под подушкой. И, глядя на эти фотографии, а потом на фотографа, понимаешь, что невозможно стремиться к таланту и нельзя его в себе развить. А некоторым просто не то что не посоветуешь и не пожелаешь, а просто уберечь бы некоторых от таланта как-нибудь.

“А если ты найдешь своего единственного человека, и образ получит реальное воплощение, ты будешь продолжать фотографировать? Или дело будет сделано?” - с вполне понятной человеческой жадностью спрашиваю я. “Я думал об этом. Буду, наверное. Всегда будет хотеться что-то изменить. Или улучшить”.

...Мебель в его комнате накрыта черным бархатом, фотографии развешаны по стенам, кассет с музыкой множество, я почти ничего не знаю. “Это Ньюмен, - кивает он на магнитофон, - он писал музыку для фильмов Гринуэя. Есть такой режиссер”. - “Я знаю, - говорю я, - это мой любимый режиссер. Один из любимых”. - “А я терпеть его не могу, - улыбается он, - интеллектуальное абсолютно кино...” “В такой степени интеллектуальное, - защищаю я Гринуэя, - что уже приятно”. - “Да, наверное, вообще все зависит только от степени”. Его фотографии, разумеется, могут не нравиться - все тоже зависит от степени. Ну, может быть, степени того желания домысливать и доснимать свое кино именно в этом направлении.

В рай или ад попадает человек, по его мнению, зависит от того, каких впечатлений он больше получит здесь. “И где же ты окажешься?” “Наверное, это будет тревожное такое место...”

“А до того, как начал фотографировать, ты чем занимался?” - “Да ничем, собственно, не занимался. Ну лаборантом работал, сторожил. Я не мог долго на одном месте, люди меня видят как раньше, а я меняюсь. И

я ничего не доказываю. Лучше уйти в другое место, и там меня видят уже иначе как-то...”

Мы сидим и говорим о том, что в стране, по сути, нет визуальной культуры, что мало хороших фотографов, работающих именно в художественной фотографии, что выставляться нужно, иначе невыставленное - удушит, что нужно, нужно, нужно. За окном заканчивается еще один день. И никому ничем никогда невозможно помочь. Но это тоже все не обязаны понимать те, кому неинтересно доснимать кино уходящего века.

Лора В.

детский стульчик на помойке, а когда он летал, стульчик все терялся и падал. Это они хотели ему объяснить, что летать можно свободно, в какой хочешь позе. И обучение явно подходит к концу, только теперь, чтобы оно полностью подошло к концу, нужно найти кого-то другого, чтобы все ему передать. И он подобрал одного человека, но это чисто, можно сказать, случайный выбор.

И не то чтобы он теперь думает, что он сможет летать наяву, то есть, не наяву, а в этом мире, да это и не нужно ему абсолютно, потому что не сумасшедший он человек. Во сне он уходит в город, а в этом пустынном городе какое-то вечное ощущение тревоги, и было бы это невыносимо, если бы не было надежды в этом городе на встречу. А она обязательно должна быть, потому что иначе быть и не может и все бессмысленно. “Ну, - лезу я с идиотскими вопросами, на которые нет ответов, а любые будут неправдой или четвертью правды, - а если встреча состоится там, то здесь она тебе уже не будет нужна?” - “Я как-то сказал, что хочу жениться во сне, и мне этого хватило бы, но это не так, наверное. Конечно, я жду, что здесь, в этом мире, будет встреча, и мне иногда времени жалко, что я занимаюсь сейчас какой-то ерундой, а время идет и ничего не происходит. Меня просто трясает начинается, когда я